

СМЕНА

ЭТОТ ДОМ на углу Невского и Фонтанки обычно связывают с именами жившего здесь Виссариона Григорьевича Белинского и Алексея Максимовича Горького, который сотрудничал в первой легальной большевистской газете. «Новая жизнь», располагавшейся тоже по этому адресу. Однако мало кто знает, что это здание связано еще и с судьбой блистательной Варвары Асенковой.

В театральное искусство Варвару звала ее мать — актриса Александра Егоровна Асенкова, ученица знаменитого князя Шаховского, одного из руководителей, петербургской драматической сцены в 1800—1820-х годах. Александра Егоровна была знакома с Пушкиным, Крыловым, Грибоедовым, многими видными литераторами и драматургами, о чем оставила достаточно подробные воспоминания. Среди ее друзей — и Иван Сосницкий — ведущий актер русской драматической труппы. Именно он подготовил с Варей небольшую, но выигрышную роль одалиски в комедии Фавара «Солиман II, или Три султаниши». Дебют семнадцатилетней Асенковой в этой роли на сцене императорского Александринского театра состоялся 21 января 1835 года, в бенефис Сосницкого. А через несколько дней в одной из петербургских газет театральный критик писал: «Неожиданно улыбнулась нам Таля: 21 января девица Асенкова вышла на сцену — вышла и как будто сказала: «Во мне вы не ошибетесь!». Красота безотчетливая нас сильно поразила бы не могла, но такая пластически прекрасная наружность поистине встречается очень редко... Но что всего более заставляло брать в ней участие и говорить об ее достоинстве, это то эстетическое чувство, которое она пробудила и оставила в нас, непринужденность, счастливое изменение голоса и лица, благородство, приемы, свойственные женщинам высшего круга, обещающие нам в ней комическую актрису в строгом значении слова...».

ЕЕ ДЕБЮТ покорила сердца

многих, в том числе — и руководства императорских театров. Вскоре с Варварой заключают контракт, которым определяется жалование актрисы: три тысячи рублей в год.

Достаточно твердое материальное положение дочери позволило Александре Егоровне снять квартиру в доме Лопатина, на углу Невского и Фонтанки (ныне Невский пр., 68). Здесь жили в ту пору многие петербургские театральные знаменитости: супружеская чета актеров Каратыгиных, водевильные драматурги Григорьев и Кони. Здесь же чуть позже поселит-

«ДУША ТВОЯ БЫЛА НЕЖНА...»

ся Белинский...

Год дебюта был для Асенковой урожайным. Играла охотно и много: Мольера, Бомарше, Бальзака, Гюго... Но более всего отличала публика Александринки те роли, где Асенковой приходилось выступать «с переодеванием», то есть играть персонажи в мужских костюмах. О чем рассказывали зрителям сюжеты этих водевилей, лучше всего наметнут их названия: «Девушка-гусар» Кони, «Гусарская стоянка, или Плата тою же монетою» Орлова, «Мал да удал, или Записки гусарского полковника» Каратыгина... Об исполнении Варварой Асенковой роли в водевиле «Полковник старых времен», переведенном с фран-

цузского, писали: «В «Полковнике старых времен» г-жа Асенкова в длинных ботфортах, мундире и прочем. Действительно она играет столь же восхитительно, сколь и усладительно, словом, очаровывает душу и зрение. И потому каждый ее жест, каждое слово возбуждали громкие и восторженные рукоплескания; куплеты встречаемы и провожаемы были кликами «фора». Это — отзыв Виссариона Григорьевича Белинского, не раз видевшего актрису в водевильных ролях на сцене.

В душевную последекабрьскую эпоху тридцатых годов прошлого столетия водевиль оставался, пожалуй, единственным сценическим жанром, приносящим радость переживаний и естественность чувств зрителям театра. Это была своеобразная отдушину для эмоций публики в эпоху царствования Николая I. И все же передовая и высокохудожественная русская драматургия — драматургия большой философской глубины и мысли — пробивала себе дорогу на императорскую сцену. Не остается в стороне от этого процесса и Асенкова. Она участвует в первых постановках грибоедовского «Горя

от ума» (правда, в усеченном цензурой варианте), где играет первоначально Наталью Дмитриевну Горич, а затем — Софью. Ей выпадает счастье участвовать в первом представлении «Ревизора» Гоголя на русской сцене. В премьерном спектакле, состоявшемся на сцене Александринского театра 19 апреля 1836 года (кто знал, что ровно через пять лет — день в день — она умрет от чахотки!), Варваре Асенковой довелось сыграть Марию Антоновну. Сыграла молодая актриса и Наташу в пушкинской «Русалке».

Подлинным открытием драматического таланта актрисы стала роль Офелии в «Гамлете» Шекспира. Вдохновленный игрой Асенковой, молодой Николай Некрасов пишет стихотворение «Офелия» — своеобразную поэтическую зарисовку актрисы в роли:

В наряде странность,
беспорядок,
Глаза — две молнии во мгле.
Неуловимый отпечаток
Какой-то тайны на челе;
В лице то дерзость,
то стыдливость.
Полупечальный дикий взор.

В движеньях стройность
и красивость —
Все чудо в ней!..

«Гамлет» шел на петербургской сцене в переводе Николая Полевого, близкого друга семьи Асенковых. После он написал для Варвары Николаевны роль, которая станет почти легендарной: Парашу-Сибирячку в одноименной драме. Цензура усмотрела в пьесе намеки на судьбу сосланных в Сибирь декабристов и запретила ее исполнение. Проявив завидную смелость, Асенкова дерзнула обратиться к самому императору и добились разрешения Николая I на постановку.

Актриса сыграла Парашу в собственный бенефис, 17 января 1840 года. Это был ее «звездный час». Строгий Белинский отмечал: «...Игра г-жи Асенковой прелестна; видно, что эта артистка внимательно и старательно изучила свою роль, а ее привычка к сцене, смелость и свобода на ней, при поразительной эффектности положений, довершили это тщательно изучение и окончательно очаровали публику Александринского театра».

ИТАК, ВАРВАРА Асенкова утвердилась на русской сцене не только как водевильная и комедийная актриса, но и прекрасная исполнительница драматических ролей. Казалось, что теперь ей не будет равных на подмостках сцены.

Судьба распорядилась иначе. Неимоверные физические нагрузки (нередко по три спек-

такля в день!), нескончаемые выходки экзальтированных поклонников, мечтающих добиться благосклонности «самой Асенковой», завистливые козни и сплетни набирающих силу театральных соперниц-актрис сделали свое дело. Болезнь ускорила развязку: 19 апреля 1841 года Асенкова скончалась. Эту преждевременную смерть оплакивал весь Петербург. Некрасов откликнулся на кончину актрисы стихами:

Душа твоя была нежна,
Прекрасна, как и тело,
Клевет не вынесла она,
Врагов не одолела!
Их говор лишь тогда затих,
Как смерть тебя сразила...
Ты до последних дней своих
Со сцены не сходила.
В создании светлой красоты
И творческого чувства
Восторг толпы любила ты,
Любила ты искусство...

Похоронили Варвару Николаевну на Смоленском кладбище. В 1938 году ее останки перенесли в Некрополь мастеров искусств Александрово-Невской лавры.

В ПАМЯТИ многих актрис осталась радостной и очаровательной девушкой, пришедшей в театр почти случайно и тем не менее оставившей там свой неизгладимый след. Суть человеческого и сценического обаяния Варвары Асенковой много позже точно определил историк русского театра: «Самой главной причиной ее очарования была радость бытия... Эта радость заставляла расправить морщины чиновного посетителя первых рядов, отозвалась восторгом в сердцах молодежи и была сразу подхвачена завсегдатаями райка. Веселое, грациозное, женственное, а главное — неподдельно радостное — это и есть Асенкова».

С. ИЛЬЧЕНКО.

старший инспектор Главного управления культуры исполкома Ленсовета

● Варвара Асенкова.
● Дом № 68 на Невском проспекте.